Константин Б. Гаазе
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

Рукописное письмо как практика российской правительности

Цель статьи — показать связь между одной из материальных практик российской государственной бюрократии — рукописным письмом — и спецификой российской правительности. Главной идеей статьи является отказ от сведения правительности к единому онтологическому основанию (биополитике, структурному насилию и т.д.) и переключение исследовательского фокуса на изучение локальных повседневных практик правительности и бюрократии. Антропологи, изучающие государство и власть, обычно движутся от генерализованных концептуализаций власти к бюрократическим практикам, фактически иллюстрируя локальными примерами работу универсальных механизмов насилия или биополитики. Этот текст показывает возможности обратного движения: от практики государственной бюрократии к свойствам специфической правительности, которую эти практики конституируют, обслуживают и воспроизводят. Теоретические ресурсы, обосновывающие легитимность такого движения, связаны с первой версией исследовательского проекта Мишеля Фуко, посвященного изучению правительности.

В тексте дан краткий очерк развития теоретической рефлексии, связанной с властью и письмом в работах политических философов, социологов и социальных антропологов. Важным ориентиром стали достижения антропологов, использующих ресурсы акторно-сетевой теории для изучения бюрократии и техник правительности. В каче-

Гаазе Константин Борисович — старший научный сотрудник Международного центра социальной теории МВШСЭН. Научные интересы: социальный порядок и суверенитет, Томас Гоббс, искусственное и органическое как категории политической философии, правительность, этнография и антропология бюрократии, акторно-сетевая теория. E-mail: kgaaze@gmail.com
Gaaze Konstantin Borisovich— Senior research scientist, The International Center for Sociological Theory at Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: order and sovereignty, Thomas Hobbes, natural and artificial as categories of Political philosophy, governmentality, ethnography and anthropology of bureaucracy, actor-network theory. E-mail: kgaaze@gmail.com
Статья написана в рамках научно-исследовательской работы «Микросоциальные основания политических процессов: трансформация публичного пространства и механизмов солидаризации» (ЦСИ ИОН РАНХиГС, 2016).
Acknowledgment: The article is a part of the research project «Micro-Social Basis of Political Process: Transformation of Public Space and Solidarity Mechanisms» (CSR SPP RANEPA, 2016).

стве эмпирического материала использованы письма из служебной переписки высших российских бюрократов, содержащие конкретные примеры использования практики рукописного письма. Проанализированы ключевые свойства этой практики — трансгрессивность и итерабельность — и их влияние на российскую правительность.

Ключевые слова: правительность, бюрократия, письмо и письменность, практики, суверенитет, Мишель Фуко

***Konstantin Gaaze**, Moscow School of Social and Economic Sciences, Russia*
Handwriting as Practice of Russian Governmentality

In this article I want to show how one of the most common practices of Russian state bureaucracy — handwriting — shapes the specifics of the Russian governmentality. We propose the approach that shifts focus from single ontological basis of governmentality (biopolitics or structural violence, etc.) to its particularity and uniqueness, which are guaranteed by specifics of everyday material practices of bureaucracy. Anthropology of power and state moves from generalized conceptualizations of power to the particular bureaucratic practices, in fact, it just illustrates pre-given mechanisms of violence or biopolitics with such examples. Our text reveals the possibility of reverse movement: from practices of state bureaucracy to the properties of specific kind of governmentality. Theoretical resources, that justify the legitimacy of such movement, rooted in Michel Foucault's studies of governmentality. Starting with brief historical overview of theoretical reflection, associated with power and literacy in works of political philosophers, sociologists and social anthropologists we also use some achievements of anthropologists, associated with actor-network theory. Empirical material used in the article includes some examples of official correspondence of high-ranked Russian officials, containing concrete examples of handwriting. We analyzed the properties of that practice — transgressigvness and iterability — and their impact on Russian governmentality.

Keywords: governmentality, bureaucracy, handwriting and writing, practice, sovereignty, Michel Foucault

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-104-131

Практика против рефлексии

Небольшая ремарка, сделанная Мишелем Фуко в вводной лекции к циклу «Рождение биополитики» 10 января 1979 года, определила оптику исследований правительности[1], бюрократии

1 Конвенции относительно русского перевода термина «gouvernementalité», использованного Фуко преимущественно в курсах лекций 1978 и 1979 годов, нет, подробно о различных вариантах перевода см. примечания к *Донзло Ж.,*

и техник властвования в социальной антропологии на десятилетия вперед. Процитируем ее полностью: *«Я не изучал и не хочу изучать реальную управленческую практику, такую, какой она развивалась, определяя там и тут ситуацию, возникающие в связи с этим проблемы, избираемые тактики, используемые инструменты, проекты переустройства и т.п. Я хотел изучить искусство управлять, то есть способ мыслить наилучшее управление, а также и в то же время рефлексию о наилучшем из возможных способов управлять. Другими словами, я пытался ухватить инстанцию рефлексии в практике управления и о практике управления»* [Фуко, 2010, с.14].

Эта ремарка касалась не курса о биополитике, который открывала лекция 10 января, а предыдущего курса «Безопасность, территория, население», посвященного правительности и прочитанного в Коллеж де Франс в 1977–1978-х годах. Противопоставление практик (и тактик) правительности рефлексии относительно этих практик, их концептуализации и тому специфическому типу рациональности, который их производит и одновременно описывает, не укладывается в логику этого легендарного курса, где Фуко не разводил их, а перечислял через запятую, как консистентный предмет своей исследовательской программы: «Государство как образ действия, государство как образ мысли, — … это, конечно, не единственная возможность анализа…, но одна из возможностей, которая, на мой взгляд, довольно плодотворна» [Фуко, 2011, с. 461].

Вопрос, чем было вызвано отделение образа действий от образа мысли о правительности в проекте Фуко, достоин отдельного кропотливого изучения, предпринимать которое мы в данном тексте не можем. В качестве осторожной гипотезы можно, в частности, указать на реакцию публики и научного сообщества, которую вызвал поворот мысли Фуко после третьего в его научной карьере кризиса [Делёз, 2004, с. 138-139]. Историки и социологи, публично дискутировавшие в конце 70-х с Фуко, часто проводили параллели [Foucault, 1991, p. 78-80] между его новым проектом, посвященным правительности, и проектом Макса Вебера по исследованию роли бюрократии в модерном обществе. Фуко реагировал на такие попытки отрицательно (если не сказать раздраженно), не уставая подчеркивать свое несогласие как с концептуализацией «идеальных типов» в качестве инструмента исторического анализа у Вебера, так и с веберовским пониманием рациональности. Проведение устойчивой границы

Гордон К. (2008) Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире. *Логос*, 2 (65): 3–4. В нашем тексте мы используем вариант перевода, предложенный А. Корбутом, т.е. «правительность», оставляя в цитатах оригинальные версии, избранные переводчиками.

между исследованием бюрократических практик и исследованием концептуальных рамок, определяющих их телеологический горизонт и делающих возможным их существование и отправление, позволяло Фуко раз и навсегда отмежеваться от Вебера.

Осуществленный Фуко в ущерб практикам правительности поворот к концептуализации этих практик и рефлексии относительно правительности оказал грандиозное влияние на антропологические исследования государства и власти. В определенном смысле можно сказать, что доминирующие в дисциплине с 80-х годов XX столетия «темные антропологи», как их назвала Шерри Ортнер, то есть антропологи, которые «видят в мире исключительно власть, эксплуатацию и неравенство» [Ortner, 2016, p. 49], обращаясь к правительности, не рассматривают ее практики и тактики в качестве предмета для исследования. В этом просто нет нужды. Еще до обращения к эмпирическому материалу «темный антрополог» уже знает, что различит в качестве приводного механизма правительности. Этого пред-данного знания достаточно, чтобы, не обращая внимания на конкретные практики правительности, уверенно раскрывать результаты ее работы в любых широтах.

В сильной версии «темной антропологии» [Graeber, 2015; Gupta, 2012], вдохновленной биополитикой Фуко (и развитием этой линии мысли в проекте Джорджо Агамбена), постмарксизмом, левым структурализмом леви-строссовского закала практики правительности полностью растворены или в принудительной силе «голой жизни», «следящей за нами из-под идиотских масок представителей власти» [Агамбен, 2015, с. 19], или в структурном насилии[1] [Galtung, 1969, p. 170]. В слабой версии «темной антропологии» практики правительности все же могут попасть в оптику исследователя, но только в части их воздействия на жизнь тех сообществ, в которых работает антрополог [Das, 2006; Navaro-Yashin, 2007; Nuijten, 2004; Reeves, 2013]. В этом изводе «темной антропологии» правительность, ее агенты и артефакты все равно рассматриваются ни в коем случае не сами по себе, а только в качестве вчерне описанного «стимулирующего материала», который так или иначе задевает сообщество, вызывает определенные эмоциональные реакции у его участников, приводит к диссипации или, наоборот, сплочению сообщества, порождает те или иные нарративы в сообществе и т.д.

Ставками в игре «темных антропологов» с правительностью становятся базовые принципы антропологического исследования: холизм, партикуляризм, скептицизм [Lambek, 2010, p. 10]. Все они так

1 Галтунг предложил термин «структурное насилие» в качестве «незаезженной» альтернативы марксистского термина «эксплуатация».

или иначе мутируют. Холизм заменяется пред-данным знанием о приводных механизмах правительности: онтологическая обозримость жизни тробрианцев или нуэров становится эпистемологической обозримостью структурного насилия или «голой жизни». Партикуляризм, который лучше всего описывает эпистемологическая установка Боаса относительно культурных феноменов, обладающих «такой сложностью, что сомнительна сама идея возможности нахождения каких-либо законов культуры» [Boas, 2012, p. 30], как бы оказывается подвешенным в воздухе. Гипотеза о существовании некого универсального основания власти лишает эти феномены онтологической связи с изучаемой культурой как таковой, эта культура превращается в «черный ящик». На входе антрополог фиксирует факт воздействия структурного насилия или «голой жизни», на выходе получает набор эффектов этого воздействия. Скептическая установка становится критической: политика, бюрократия, правительность, государство больше не являются объектами изучения, они превращаются в объекты критики исследователя, перемещаясь таким образом в «слепую зону» неразличимости.

Несмотря на это, исследовательские стратегии «темных антропологов» уже много лет гарантируют некоторую порцию академического успеха любому критическому тексту о правительности, написанному на полевом материале. Хотя их прочтение слишком часто оставляет горький привкус детерминизма и универсализирующей редукции. Чтобы избавиться от этого привкуса, можно попробовать вернуться к первоначальной исследовательской установке Фуко относительно правительности: изучать не только концептуальную рамку правительности — пастырство, насилие, биополитику или «голую жизнь», — но и реальную повседневность ее практик. Тем более что связь между ними, очевидно, не односторонняя: не только телеология и рациональность правительности определяют облик средств, задействованных для достижения поставленных государством целей, но, как нам представляется, и средства определенным образом меняют представления о целях, их рациональности и достижимости. Важнейшей проблемой, встающей в связи с таким теоретическим движением, является проблема точного выбора предмета исследования. В лекции о правительности, прочитанной 1 февраля 1978 года, Фуко сделал любопытное замечание относительно связи практик и тактик правительности с судьбой проекта модерного государства как такого: «долгожительство государства и рамки государственного следует понимать только на основе общих тактик правительственности» [Фуко, 2003, с. 21]. Очевидно, именно эти «общие тактики» (в оригинале — «tactiques générales de la gouvernementalité») играют ключевую роль в отправлении правительности.

Допустимы несколько вариантов прочтения этого тезиса. Можно понимать слово «общие» в качестве синонима характеристики масштаба. Тогда тактики правительности, сохраняющие модерное государство, могут быть поняты как некоторые крупные долгосрочные проекты: медицинское обслуживание, школьное образование, дорожное строительство или регулирование цен. Но есть и второй вариант: понимать это слово в качестве характеристики функции таких тактик, то есть рассматривать эти тактики в качестве некоторых базовых процессов, обеспечивающих отправление правительности. Возможно, такое прочтение не выглядит ортодоксально фукольдианским, однако ремарка Делёза, охарактеризовавшего проект Фуко, связанный с правительностью, как «новый функционализм» [Deleuze, 1988, p. 25], в каком-то смысле легитимирует такое прочтение. В этом случае речь должна идти о базовых управленческих практиках (именно от них Фуко «открестился» во вводной лекции к курсу «Рождение биополитики»), таких, как совещания, документооборот и служебная переписка и их дигитализированные эрзацы в виде электронных писем, презентаций, закрытых систем обмена мгновенными сообщениями. Речь должна идти прежде всего о «носителях» правительности, а не только о ее концептуальной рамке или о ее манифестациях в виде масштабных дисциплинарных проектов.

Наша работа преследует цель протестировать возможности, предоставляемые таким подходом, на российском материале. Мы попробуем изучить влияние, которое оказывает одна из наиболее распространенных практик российской бюрократии — рукописное письмо — на специфику российской правительности. Эмпирическим материалом послужат некоторые образцы рукописного письма из служебной переписки российских бюрократов высшего звена, в частности, резолюции и пометки на служебных документах. Используя тексты Фуко, Макса Вебера и Джека Гуди, мы покажем, как связаны письмо и правительность на уровне теоретической и исторической рефлексии. Мы в самом общем виде разберем результаты, которые получены антропологами, привлекающими ресурсы акторно-сетевой теории для изучения материальных практик правительности и бюрократии. Затем мы представим наш эмпирический материал, сопроводив его некоторыми комментариями, касающимися свойств и контекста практик российской правительности.

Заключительная часть посвящена обобщению специфических черт практики рукописного письма и анализу влияния, которое эти черты оказывают на российскую правительность. В качестве выводов мы предложим читателям предварительный черновик исследовательской программы, которую обобщенно можно охарактеризовать как «антропология правительности и суверенитета».

Письмо и правительность

В курсе 1978 года Фуко различил две линии мысли относительной того, что такое власть, лежащие в основании современного «управленческого государства (l›État de gouvernement)» [Фуко 2003, с. 5-8]. В первой линии, которую Фуко возвел к Макиавелли, государство определяется, как, «с одной стороны, территория, с другой стороны, люди, населяющие эту территорию». Власть суверена единолична и трансцендентна относительно суверенитета, только суверен решает, где заканчивается его государство и кто является его подданными. Среди авторов антимакиавеллистской линии мысли Фуко выделяет Гийома де ла Перьера и его трактат «Политическое зерцало, содержащее различные способы управления», датированный 1555 годом. В оптике де ла Перьера власть — это власть над «вещами, понятыми как взаимодействие людей и вещей». Практики так понятой власти «множественны и имманентны»: вещами управляет не только суверен, но и отцы семейств, таких отцов в государстве много, специфика деятельности правителя или правительства заключается в масштабе, а не в принципиально иной по сравнению с властью отца природе самой власти.

Правительность, первоначально существующая только в антимакиавеллистском проекте, в XVII–XVIII веках синтезируется с суверенитетом. Макиавеллистское государство в результате этого синтеза «оправительственно», именно с таким государством мы имеем дело сегодня. Фигура Людовика XIV, по мысли Фуко, буквально выражает этот процесс синтеза двух линий концептуализации власти [Фуко, 2011, с. 366]. С точки зрения манифестации роли письма как практики правительности, эта фигура столь же революционна. В 1660 году Людовик создал Совет депеш, предназначенный для решения текущих вопросов и разбора королевской почты. Совет собирался два раза в месяц по понедельникам, каждое дело, рассмотренное советом, завершалось наложением резолюции, написанной обычно от руки самим королем [Блюш, 1998, с. 440-444] на письме, докладной записке или жалобе, излагающей суть дела. В Национальном архиве Франции хранятся несколько образцов таких резолюций. Одна из них сделана Людовиком в 1706 году на письме, посвященном действиям английского флота на траверзе Бреста, министра флота Жерома Фелипо, графа Поншартрен. Характерная особенность титульного листа письма министра — свободная от текста левая колонка (текст на остальных страницах написан в две колонки), предназначенная, очевидно, для королевской резолюции, которая начертана именно в этом пустом пространстве. Резолюция гласит: «Принято правильное решение: не следует предпринимать никаких действий до уяснения намерений противника. Поддер-

живаю Вас. Л». Почерк министра (возможно, его секретаря) уборист, но разборчив, почерк короля размашист (буквы больше, чем буквы основного текста письма, примерно в полтора раза), но также вполне удобочитаем. Все черты вполне оформившейся практики здесь налицо: умышленно освобожденная от текста автором письма левая колонка первой страницы, краткий, но внятный стиль резолюции, сокращение до росчерка деловое «L», заменяющее полную подписью короля «Louis».

Синтезированные в эпоху Людовика макиавеллистскую и антимакиавеллистскую линии мысли о власти можно с некоторой долей условности назвать «политической» и «хозяйственной». Поразительно, что такое различение будет полностью симметрично различению двух функций письма в до-модерных обществах, введенному за 15 лет до лекции Фуко британским антропологом Джеком Гуди. Восхождение греческой цивилизации — «прекрасный исторический пример транзита к по-настоящему письменному обществу» — стало возможным благодаря общедоступному алфавиту, основанному на «наиболее универсальной категории культурного отбора» [Goody, Watt, 1963, p. 319] — фонемах. Но еще до наступления «темных веков» иероглифическое письмо в Микенской дворцовой культуре было адаптировано под хозяйственные нужды и трансформировалось в открыто-слоговое, став более доступным, чем чисто иероглифическое храмовое письмо (например, иероглифическое письмо Египта).

Слоговое письмо тесно связано с «управлением дворцом» [Ibid., p. 320]: оно обслуживает распределение ресурсов, им владеют не жрецы, а наследственные бюрократы. Власть в микенском дворце конституируется письмом в качестве правительности в строго антимакиавеллистском смысле: как совокупность описанных вещей, являющихся объектами управления. Законы Солона, написанные примерно через 500 лет после исчезновения Микенской культуры, требуют от всех граждан Афин умения читать. Спустя еще сто лет письмо становится инструментом суверенитета уже в «политическом», макиавеллистском смысле этого слова. Граждане Афин каждой весной в Народном собрании решали, следует ли кого-то изгнать из города: имя несчастного нужно было собственноручно нацарапать на глиняном черепке, *остраконе*. В рамках этой процедуры письмо манифестирует власть как власть суверена, пусть и коллективного: нет письма, нет *остраконов*, значит, нет ни политического целого, которое исторгает из себя опасное тело, ни границ полиса, за которые выводится это тело.

По Гуди, эти две функции письма маркируют начало и завершение перехода к «грамотному» обществу: от слогового *линейного письма А* Микенской культуры как техники, обслуживавшей «хо-

зяйственную» власть, к общепонятному и общеупотребимому алфавитному письму, которое обслуживает «политическую» власть и конструирует суверенитет Афин. Именно этот переход «изменил саму структуру культурной традиции» Запада [Ibid., p. 343]. Интересно, что последовательность возникновения двух концептуализаций и двух образов действия власти, представленная Фуко (сначала «политическая» власть и только потом «хозяйственная»), при обращении к историческому анализу связи письма и техник властвования как бы переворачивается. Власть письма начинается как власть «хозяйственная», то есть власть над ресурсами, над вещами. «Политическая» власть письма — власть над территорией и телами — появляется позже. Такую же последовательность развития связи письма и власти описывал, например, советский философ Михаил Петров [Петров, 1995, с. 180-184]. Появление алфавита, основанного на фонемах, привело к раскрепощению письма, превращению его в инструмент гражданской культуры, но до этого оно уже обслуживало власть в рамках до-модерной «канцелярии»: при раскопках дворца в Пилосе, относящегося к микенскому периоду, были обнаружены фактически первые известные нам бюрократические бланки — расчерченные глиняные таблички, в которые нужно было вставить символы и числа, описывающие фактическое состояние запасов дворца.

«Изменение культурной традиции», начавшееся с появлением алфавитного письма и завершившееся превращением грамотности в субстантивное свойство гражданства в греческих полисах, таким образом, по мысли Гуди, становится фундаментом западной цивилизации. Гуди проводит [Goody, Watt, 1963, p. 343] параллель между своим различением «устной» и «алфавитной» культур (последняя — это фактически синоним культуры европейской) и идеей Макса Вебера о манифестации «формальной рациональности», которая сделала особенной и всемирно значимой именно европейскую культуру. Эта рациональность, с точки зрения Гуди, выводится из письма. Две линии концептуализации власти, создающие модерное государство, выделенные Фуко, и симметричные им функции письма как инструмента отправления власти в работе Гуди, таким образом, действительно сливаются в фигуре Людовика, одновременно являющегося и сувереном, и частью бюрократического аппарата собственной правительности.

Апофеозом манифестации «формальной рациональности» становится отделенная от суверена модерная бюрократическая контора правительности (*бюро*), состоящая из работников, действующих по правилам, и «аппарата материальных средств производства и файлов» [Weber, 1978, vol. 2, p. 957]. Одна из трех дефиниций модерной правительности, данных Фуко, включает в нее «комплекс учре-

ждений, процедур, исследований и анализов, расчетов и тактик», то есть этот самый бюрократический аппарат и обслуживающие его практики, которые технически и являются современным государством правительности.

Один из любопытных парадоксов, связанных с эволюцией письма как практики правительности в XVII–XX столетиях, заключается в погружении этой практики в зону эпистемологической неразличимости по мере ее развития. Все более выраженная и интенсивная теоретическая рефлексия относительно целей и нормативности правительности будто бы подавляла рефлексию относительно ее материального, практического измерения. Ни один из представителей блестящей плеяды немецких камералистов (Зекендорф, Бехер, Шрёдер, Гассер, Юсти) не уделил внимания материальной стороне работы организации государственного аппарата и практикам бюрократического письма [Small, 2001]. Единственное исключение — Йозеф Зонненфельс, который в конце XVIII века попытался теоретически осмыслить проблемы оформления и систематизации петиций и прошений на имя императрицы Марии Терезии, однако не получил в этом деле поддержки ни от коллег, ни от двора [Michalski, 2009]. С появлением таких дисциплин, как социология, политическая наука, теория менеджмента, ситуация не изменилась. Фундаментальные для европейской и американской традиций изучения бюрократии работы Мишеля Крозье и Джеймса Уилсона обходят вопросы письменных практик работы бюрократии (и государственной, и индустриальной) стороной [Crozier, 2010; Wilson, 1989].

Ситуация начала меняться лишь с появлением акторно-сетевой теории. Как показывают работы антропологов, вдохновленных этой теорией [Riles, 2000; Vismann, 2010; Hull, 2012], пристальное внимание к практикам, которые используют государственные бюрократы, и материальной стороне этих практик способно давать поразительные результаты. Обращаясь к повседневной рутине государственной бюрократии, они успешно вскрывают ее «черные ящики» [Czarniawska, 2012], показывая, как «работает» правительность, какие ее свойства задаются практическими и техническими аспектами ее отправления.

Остановимся подробнее на книге Мэтью Халла «Бумажное правительство». Халл, изучавший в Пакистане работу ведомства, ответственного за городское планирование и развитие Исламабада, описал, как работает «файл» — документы по истории земельного участка за несколько десятков лет, собранные в толстой картонной папке. Файл, по мысли Халла, становится материально-принудительным *процессом*, который заставляет пакистанских чиновников обращаться в документах, с которыми они работают и которые дол-

жны стать частью файла, не только к автору просьбы, ниже- или вышестоящему коллеге, но и к будущим, неизвестным им читателям. Файл — это и есть власть, в Пакистане она «производится в рамках конкретного социоматериального процесса документооборота». Файлы, которые «связывают действия индивидов и групп, а также целых организаций», — это «материальная технология принятия властных решений» [Hull, 2012, p. 127].

Механизм агентности файла Халл объясняет «графической идеологией», это понятие он выводит из концепта «семиотической идеологии», введенного антропологом Веббом Кином. По Кину, «репрезентация существует как вещь и как вещь действует в мире» [Keane, 1997, p. 8]. «Семиотическая идеология» *как вещь* «определяет будущие возможности» [Keane, 2003, p. 419]: описанный Бурдьё кабильский дом создают ритуальные поэтические тексты кабилов, действуя через систему семиотических операторов. Разумеется, настоящие дома тоже важны: «блаженство совпадения текстов с реальностью» [Ibid, p. 420] обязано своим существованием реальным домам, а не текстам. По мысли Халла, файлы работают схожим образом. Неопределенность является «фактом социальной жизни» [Hull, 2012, p. 128] в Пакистане, пишет Халл. Совокупность графических элементов бюрократических документов (заголовки документов, тексты резолюций, прикрепленные к документам визитные карточки бюрократов, пометки на полях писем и жалоб) обслуживают эту неопределенность. «Графическая идеология», таким образом, становится проводником дюркгеймовской «принудительной силы» [Дюркгейм, 1991, с. 413] социального факта. Пакистанские чиновники сначала в буквальном смысле гадают на документах, потом придумывают то, что, «с демократической и эмпирической точки зрения на социальный процесс, выглядит как теории заговора» [Ibid., p. 128], а потом пишут пространные и лживые резолюции.

Сведение практик пакистанской правительности к роли агентов уже данного «социального факта» (неопределенности) превращает файл в «оператора» [Ortner, 1984, p. 131], который выполняет функцию «сил социального процесса» [Ibid., p. 131]. Семиотическая сила знака [Барт, 1989, с. 558], таким образом, обслуживает онтологическое свойство социальной реальности — пресловутую неопределенность. Этот аргумент является чуть ли не единственным слабым местом безупречной в остальных отношениях работы Халла. Поменяв в проекте Халла местами социальный факт и файл, мы получим больше, чем потеряем: исчезнет метафизика действующей за сценой «неопределенности», которой нужны материальные агенты, но вместо нее мы увидим, как конкретные материальные практики производят (а не обслуживают!) эту неопределенность. В этом

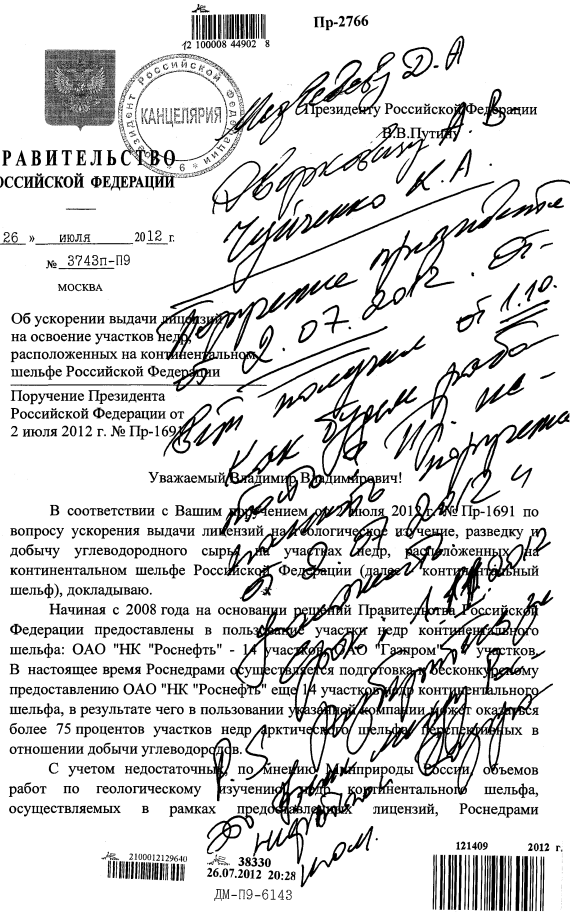
случае эзопов язык резолюций пакистанских бюрократов (или, например, система обмена сообщениями, написанными на визитных карточках, прикрепленных к документам, содержащимся в файле) предстанет перед нами в своем истинном обличье: в качестве механизма, который конституирует пакистанскую правительность и социальную жизнь.

Птички-галочки

К сожалению, в данном тексте мы не можем подробно остановиться на описании формальных и неформальных правил работы центрального аппарата российской бюрократии, то есть федеральных органов исполнительной власти, аппарата правительства и администрации президента. Мы лишь перечислим несколько характерных особенностей, важных для понимания контекста и среды, в которой были произведены приведенные ниже образцы рукописного письма. Работа высших чиновников России организована вокруг так называемых «поручений» — письменных указаний вышестоящего руководства. Такое поручение может быть сделано на основе любого письма от любого просителя, адресованного конкретному руководителю. Президент РФ, председатель правительства, министры могут по своему усмотрению предлагать к рассмотрению в рамках формальных бюрократических процедур фактически любые документы и кейсы. Все зависит в данном случае не от места письма в формальной иерархии службой переписки, а от неформального контекста: личной встречи, в ходе которой письмо передается руководителю, наличия посредника в лице чиновника, готового «передать письмо» и т.д. Статус письма определяется именно поручением относительно этого письма, то есть рукописной резолюцией на нем.

Это делает систему служебной переписки, квази-открытой: не существует формальных правил, которые бы воспрещали, например, президенту РФ выпустить поручение по обращению, просьбе или жалобе любого индивида, но не существует и правил, которые бы обязывали его это сделать. Письма становятся единичными материальными слепками конкретных кейсов, каждый из которых в зависимости от текста поручения, то есть текста рукописной резолюции, может быть рассмотрен и решен по-разному. Важной для нашего исследования является конкретная практика правительности — письменные резолюции, которые содержат в себе формулировки поручений. Резолюция президента (рис. 1) на письме из правительства гласит: «Поручение президента от 2.07.2012. Ответ получен от 1.10. Как будем работать? Пр. исполнить поручение от 2.07.2012 и доложить. Срок: 1.11.2012. P.S. Разберитесь за это время между Роснефтью и Газпромом».

Характерные черты этой резолюции можно описать следующим образом. Написанный от руки текст занимает примерно две трети титульного листа письма, никакого специального пустого пространства для резолюции нет. Текст резолюции написан поверх машинописного текста. Перед текстом самой резолюции также от руки написаны фамилии чиновников, которым она адресована, фамилии перечислены в порядке иерархии постов, которые занимают эти чиновники: первая фамилия — старший по должности и далее вплоть до младшего по должности в списке.

Пр-2766

КАНЦЕЛЯРИЯ

Президенту Российской Федерации
В.В.Путину

ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«26» июля 2012 г.
№ 3743п-П9
МОСКВА

Об ускорении выдачи лицензий на освоение участков недр, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации

Поручение Президента Российской Федерации от 2 июля 2012 г. № Пр-1691

Уважаемый Владимир Владимирович!

В соответствии с Вашим поручением от 2 июля 2012 г. № Пр-1691 по вопросу ускорения выдачи лицензий на геологическое изучение, разведку и добычу углеводородного сырья на участках недр, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации (далее – континентальный шельф), докладываю.

Начиная с 2008 года на основании решений Правительства Российской Федерации предоставлены в пользование участки недр континентального шельфа: ОАО "НК "Роснефть" - 14 участков, ОАО "Газпром" - 7 участков. В настоящее время Роснедрами осуществляется подготовка к бесконкурсному предоставлению ОАО "НК "Роснефть" еще 14 участков недр континентального шельфа, в результате чего в пользовании указанной компании может оказаться более 75 процентов участков недр арктического шельфа, перспективных в отношении добычи углеводородов.

С учетом недостаточных, по мнению Минприроды России, объемов работ по геологическому изучению недр континентального шельфа, осуществляемых в рамках предоставленных лицензий, Роснедрами

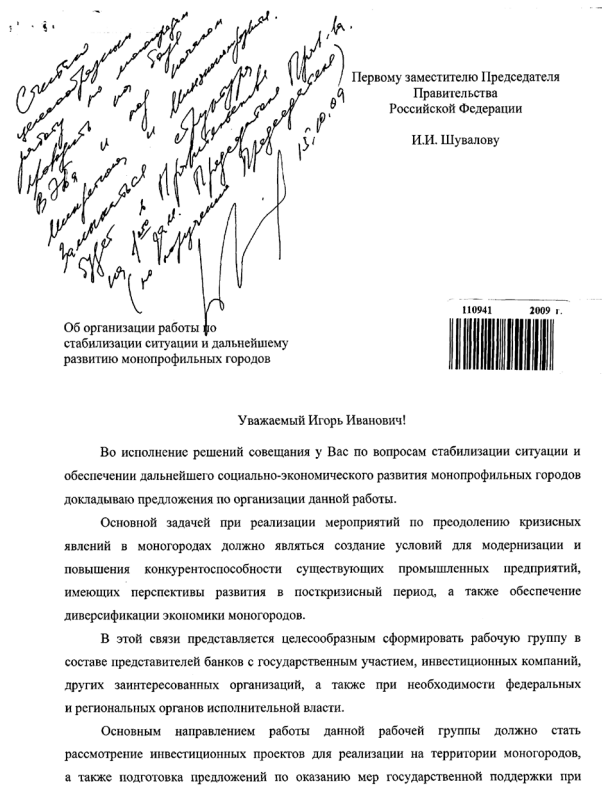
2100012129640
38330
26.07.2012 20:28
ДМ-П9-6143

121409 2012 г.

Рис. 1. Резолюция президента РФ на письме заместителя председателя правительства РФ (из архива автора).

В тексте резолюции дважды использованы подчеркивания: таким образом выделена дата предыдущего поручения по рассматриваемому вопросу и дата получения ответа на это предыдущее поручение. Срок исполнения нового поручения — «1.11.2012» со-

держит исправление, сделанное от руки, кажется, первоначально там было написало «1.10.2012». Использована формула «P.S.», то есть «постскриптум», сделанная в постскриптуме ремарка касается спора, который должны урегулировать указанные в списке адресатов чиновники. Характерная и не типичная для большинства рукописных резолюций особенность: отсутствие даты и подписи. Почерк, которым написана резолюция, разборчив, однако все же требуется некоторое усилие, чтобы прочесть часть слов. Содержание резолюции примечательно: риторический вопрос «Как будем работать?» свидетельствует о высоком градусе недовольства затягиванием сроков исполнения предыдущего поручения. Язык резолюции доходчив, понятно, чем именно недоволен ее автор. Однако в тексте резолюции нет указаний относительно того, как следует решить рассматриваемый вопрос. Из текста постскриптума можно заключить только, что адресаты должны не просто формально выполнить в срок поручение, но поставить точку в споре двух компаний.

Первому заместителю Председателя
Правительства
Российской Федерации

И.И. Шувалову

110941 2009 г.

Об организации работы по
стабилизации ситуации и дальнейшему
развитию монопрофильных городов

Уважаемый Игорь Иванович!

Во исполнение решений совещания у Вас по вопросам стабилизации ситуации и обеспечении дальнейшего социально-экономического развития монопрофильных городов докладываю предложения по организации данной работы.

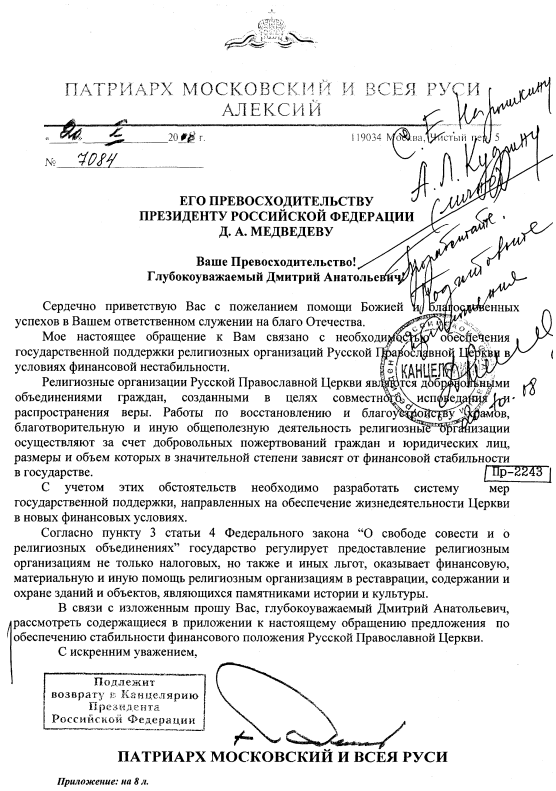
Основной задачей при реализации мероприятий по преодолению кризисных явлений в моногородах должно являться создание условий для модернизации и повышения конкурентоспособности существующих промышленных предприятий, имеющих перспективы развития в посткризисный период, а также обеспечение диверсификации экономики моногородов.

В этой связи представляется целесообразным сформировать рабочую группу в составе представителей банков с государственным участием, инвестиционных компаний, других заинтересованных организаций, а также при необходимости федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Основным направлением работы данной рабочей группы должно стать рассмотрение инвестиционных проектов для реализации на территории моногородов, а также подготовка предложений по оказанию мер государственной поддержки при

Рис. 2. Резолюция первого заместителя председателя правительства РФ на письме сотрудника аппарата правительства (из архива автора).

Рассмотрим еще одну письменную резолюцию (рис. 2). Текст резолюции гласит: «Считаю целесообразным работу по моногородам проводить на базе ВЭБа и под началом Минрегиона и Минэкономразвития. Замыкаться структурно будет в Правительстве на 1ого зам. Председателя Правительства (по поручению Председателя). 15.10.09». Существенное формальное отличие от первого случая — место на титульном листе, где написана резолюция: текстом аккуратно заполнен умышленно оставленный пустым верхний левый угол документа. Это больше похоже на использованный нами выше пример с резолюцией Людовика. Другие формальные отличия: наличие подписи и даты, отсутствие указания на адресата резолюции, предваряющего ее текст, отсутствие указания на срок исполнения поручения. Подчеркиваний в тексте нет, но использованы скобки, в которые заключена ссылка на указание вышестоящего чиновника, обосновывающее решение автора резолюции. Содержание резолюции максимально предметно: она содержит в себе формулировку принятого чиновником решения, включающую в себя описание учреждаемого им административного механизма.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

«04» Е 2009 г. 119034 Москва, Пречистый пер., 5
№ 7084

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Д. А. МЕДВЕДЕВУ

Ваше Превосходительство!
Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич!

Сердечно приветствую Вас с пожеланием помощи Божией и благословенных успехов в Вашем ответственном служении на благо Отечества.

Мое настоящее обращение к Вам связано с необходимостью обеспечения государственной поддержки религиозных организаций Русской Православной Церкви в условиях финансовой нестабильности.

Религиозные организации Русской Православной Церкви являются добровольными объединениями граждан, созданными в целях совместного исповедания и распространения веры. Работы по восстановлению и благоустройству храмов, благотворительную и иную общеполезную деятельность религиозные организации осуществляют за счет добровольных пожертвований граждан и юридических лиц, размеры и объем которых в значительной степени зависят от финансовой стабильности в государстве.

Пр-2243

С учетом этих обстоятельств необходимо разработать систему мер государственной поддержки, направленных на обеспечение жизнедеятельности Церкви в новых финансовых условиях.

Согласно пункту 3 статьи 4 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" государство регулирует предоставление религиозным организациям не только налоговых, но также и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры.

В связи с изложенным прошу Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич, рассмотреть содержащиеся в приложении к настоящему обращению предложения по обеспечению стабильности финансового положения Русской Православной Церкви.

С искренним уважением,

Подлежит возврату в Канцелярию Президента Российской Федерации

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Приложение: на 8 л.

Рис. 3. Резолюция президента РФ на письме Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (из архива автора).

Рассмотрим третий пример (рис. 3). Текст резолюции гласит: «Проработайте. Подготовьте предложения. Подпись. 20.10.08». К фамилии одного из адресатов, которые, как и в первом случае, перечислены в порядке занимаемых ими в служебной иерархии постов, сделана приписка «(лично)». Текст резолюции, как и в первом случае, написан от руки поверх машинописного текста в верхнем правом углу письма. Присутствуют подпись и дата. Содержание резолюции одновременно предметно («Подготовьте предложения») и обтекаемо («Проработайте»). Автор резолюции не пишет, какое именно решение нужно принять, но, указывая на необходимость подготовки «предложений», дает понять, что хотел бы получить доклад, содержащий обоснование принятых по его поручению решений. Приписку «лично» можно трактовать двояко. Или как указание на необходимость отнестись с рассматриваемому делу неформально, или как на указание на неформальность самого поручения, хотя вторая трактовка выглядит парадоксально: получается, что чиновник получает указание от руководителя не как чиновник, а как частное лицо.

Сравнивая представленные нами образцы рукописного письма двух президентов РФ и одного из высших чиновников РФ, мы можем заключить следующее. Письменные резолюции представляют собой сложившуюся «культурную технику» [Vismann, 2013, p. 91-92] российской правительности: с одной стороны, они адресуют нас к символическим порядкам алфавитной культуры письма и властной иерархии, с другой, имеют прагматическое измерение, то есть используются в качестве единиц коммуникации. Эта техника вариативна с точки зрения формы: место нанесения резолюции на письмо не регламентировано, подписи, даты и даже адресаты могут быть не указаны. Содержание резолюций также не следует какому-то установленному образцу: текст может содержать в себе и риторические фигуры, передающие эмоциональную реакцию автора резолюции, и пометки, прямо указывающие на модус, в котором нужно рассмотреть дело (пометка «лично» на рис. 3).

Язык резолюций более конкретен, чем, например, описанный Халлом язык резолюций пакистанских бюрократов, резолюция неизбежно включает в себя указание или на срок выполнения некоторого действия, или формулировку, описывающую это действие или действия. Текст рукописной резолюции резонирует с текстом документа (хотя, как мы показали, может быть проанализирован и вне контекста), на который наносится, переопределяя значение этого документа и создавая новый, гибридный текст, если угодно, антипалимпсест, где два (или больше) слоя текста соприсутствуют, взаимно соотнесены и, работая вместе, создают новую сущность с иной онтологической природой, нежели оригинал.

Секретари Креона

«Форма кое-что значит», говорят жандармы Нигера, заполняя procès-verbal, — основной документ первичной отчетности о совершенных правонарушениях, что-то среднее между «протоколом» и «рапортом» российских полицейских [Göpfert, 2013, p. 327-328]. На самом деле, как и в случае с рукописными резолюциями российских чиновников, никакой уставной формы procès-verbal не существует: есть нескончаемый конкурс, как правильно и красиво их писать. Отставной жандарм, получивший за свою долгую службу множество наград, признался антропологу Мирко Гёпферту, что обязан ими не успехам в борьбе с преступностью, а «творческому отношению к оформлению заголовков» в procès-verbal. «Красивый» и «уродливый» рапорты восходят не к понятиям, а к правилам, как и положено эстетическим суждениям. Те же правила эстетического суждения заставляют бюрократов из ООН добиваться от текстов резолюций «не прозрачности смысла, но эстетики логики и языка» [Riles, 1998, p. 386], пишет Аннэлиз Райлз. Секретари, переводчики, анонимные переговорщики, тратя бесконечное количество рабочих часов ради этой эстетики, устают, но все равно испытывают чувство коллективной гордости, когда добиваются своего.

Эстетика — лишь одно из измерений, в котором проявляется работа письма, другие возможные измерения — знаки и эмоции [Hull, 2012. p. 254]. Но что именно проявляется в этих трех измерениях? Вина Дас описывает ключевое свойство письма, обслуживающего правительность, следующим образом: «в жизни государства итерабельнось [письма] становится… способом обращения (mode of circulation), который производит власть» [Das, 2007, p. 178]. Власть Дас, как и большинство «темных антропологов», понимает в духе биополитики Агамбена и правительности Фуко [Ibid., p. 15], термин «способ обращения» принадлежит Марксу [Маркс, 1969, т. 46, с. 140], итерабельность — Жаку Деррида. Если переформулировать фразу Дас через раскрытие марксистского смысла термина «способ обращения», то получится примерно следующее. Способы обращения — это, например, все имеющиеся в экономике способы потратить зарплату, но зарплата «никогда не выходит из обращения и не вступает в процесс производства капитала» [Там же, с. 113]. Природа того, что обращается, определяет способы обращения, «капитал сам производит свой двоякий способ обращения». Значит, природа письма определяет то, как оно, обращаясь, производит правительность. Если итерабельность заложена в природе письма, то правительность будет носить отпечаток этой итерабельности.

Характеристики итерабельности письма по Деррида: повторение/инаковость, структурная читаемость, «возможность функциони-

ровать при радикальном отсутствии любого эмпирически определимого получателя вообще» [Деррида, 2012, с. 357]. Письмо взламывает жесткие семантические, семиотические и лингвистические структуры, не говоря о рыхлом «контексте» политики и экономики: «письменную синтагму всегда можно вывести за пределы сцепления, в которое она захвачена или в котором она дана, не заставляя ее при этом терять всякую возможность функционирования, если не всякую возможность именно „сообщения“. При случае в ней можно распознать другие возможности, вписывая ее в другие цепочки или прививая ее к ним» [Там же, с. 359]. Дас, говоря об итерабельности как о «способе обращения», производящем власть, имеет в виду некую изначальную испорченность письма, связанную с итерабельностью. «Из-за противоречивой природы итерабельности … государство, создавая управление на основе технологии письма, тем же создает подделки, имитации и самозванство» [Das, 2007, p. 163].

Итерабельность окрашивает правительность, которая мобилизует письмо в качестве обслуживающей практики, в мрачные тона. Она, например, делает онтологически ущербной идею гражданства. Все мы немного самозванцы, немного не-мы: любые наши права и документы могут быть поставлены под сомнение и ежедневно ставятся под сомнение сотрудниками правоохранительных служб, общественного транспорта и частной охраны. «Государство никогда полностью не принимает идентичность субъекта на веру» [Ibid., p. 178], пишет Дас. Это касается не только обладателей документов, идентифицирующих личность, но и авторов резолюций. Аппарат из служебных знаков и отметок, который обнаруживается на всех трех представленных нами образцах, как бы удостоверяет личность автора резолюций, особенно в том случае, когда резолюция не содержит подписи, служащей универсальным подтверждением подлинности написанного от руки текста в европейской культуре. Эти знаки — номера, отсылающие к предыдущим поручениям по теме, штампы о получении и регистрации, штрих-коды, идентифицирующие документы в электронных архивах, — превращают документы в до-электронные гаджеты. Но они нужны не только для этого. Они представляют собой отметки работы *бюро,* задача которого заключается в дисциплинировании, подавлении итерабельности письма. Документы, включенные в систему служебной переписки, становятся ареной парадоксальной игры, которую бюрократия ведет с письмом во имя воспроизводства правительности. Объединяя в «управленческом государстве» суверенитет и блага, бюрократия должна за счет использования технологии письма заменить трансцендентность суверена тотальной имманентностью аппарата, самой себя. Но главный инструмент, который выполняет эту задачу, — письмо само по себе, по своей онтологической

природе становится новым источником неопределенности вместо трансцендентного суверена. В каком-то смысле задача работы *бюро* с самого начала невыполнима: итерабельность письма невозможно победить, ее можно лишь подавить на время.

Итерабельность — свойство письма как такового и, разумеется, свойство любой правительности, производимой в рамках практик, включающих в себя письмо. Что специфически российского мы можем добавить, рассмотрев практику рукописных резолюций? Текст, написанный от руки, наносится поверх другого текста, превращая оригинальный текст в нечто иное по природе. Это акт насилия, но прежде всего акт трансгрессии, то есть выхода за рамки установленных *бюро* правил: рукописный текст «бьет» силу бланка, отметок, штампов и печатных знаков. Форма резолюции произвольна (она лишь должна быть как-то соотнесена с текстом документа, на который наносится); эта произвольность, в буквальном смысле слова произвол, безусловно, ставит волю наносящего резолюцию выше формальных правил *бюро*.

Практика рукописных резолюций по своей природе является трансгрессивной практикой. Эта трансгрессивность, как и подавленная итерабельность, парадоксальна. С одной стороны, рукописная резолюция нарушает предельно формализованные правила работы *бюро,* с другой, она уже включена в эти правила. После нанесения рукописной резолюции документ с ее текстом возвращается в *бюро* (приемную, секретариат), где переводится в машинописную форму. Для этого используется технология, которая называется «бегунок»: текст резолюции перепечатывается на листе формата А6, имеющем плашку с указанием должности лица, сделавшего резолюцию. «Бегунок» прикладывается к копии документа, на котором сделана резолюция: получателям «бегунка» уже не обязательно гадать, кто сделал резолюцию и что в ней написано, если, предположим, почерка автора рукописной резолюции плохо читается.

Какой цели служит трансгрессивность практики рукописного письма? Самым значительным изменением по сравнению с сувереном, отправляющим правительность собственной рукой, в модерном бюро является формализация правил работы аппарата правительности и практик правительности. Людовик — суверен, но не бюрократ: он трансцендентен правилам работы аппарата, которые производит сам, хотя и подчиняется этим правилам на уровне практик. Например, он заполняет текстом своей резолюции именно ту часть листа, которую ему оставил для этой цели автор письма. Бюрократия появляется там и тогда, где и когда правила начинают регулировать не только практику, но и модус отношения к рассматриваемому делу, именно это, с точки зрения Макса Вебера, отличает современную, модерную бюрократию от патримониаль-

ной, дворцовой. Бюрократы в отличие от суверена уполномочены отдавать приказы не по каждому конкретному делу, но регулировать «дело в целом», используя для этого материальные артефакты бюрократического письма, организованные в «файлы», составленные и хранящиеся в соответствии с правилами.

В XI главе «Хозяйства и общества» Вебер постулирует неразрывность нормативного и материального измерений функционирования современной правительственной бюрократии. Тотальная материальность практик бюрократии, «письменных документов („файлов“), которые хранятся в оригинальном или черновом виде персоналом из должностных лиц и разнообразных технических сотрудников», регулируется совокупностью правил, «которые являются более или менее постоянно действующими, более или менее исчерпывающими и следовать которым можно научиться» [Weber, 1978, vol. 2, p. 957].

Трансгрессивность практики рукописного письма обслуживает и воспроизводит уникальное свойство российской правительности, которая сочетает в себе черты обеих моделей работы бюрократического аппарата, описанных Вебером в «Хозяйстве и обществе»: и модерной, и патримониальной. Как и некоторые другие практики российской правительности, она существует сегодня в том же виде, в каком была учреждена в начале XVIII столетия. В этом смысле, например, сопоставление Генерального регламента Петра I [Лебедев, 1937], утвержденного 28 февраля 1720 года, и Регламента Правительства РФ, утвержденного 1 июня 2004 года, даст почти дословные текстуальные совпадения. Практика рукописного письма, неразрывно связанная с принципом работы по «поручениям», служит своеобразным переключателем, с помощью которого чиновники указывают подчиненным на модус, в котором должно быть рассмотрено то или иное дело. Это может быть модус работы модерного *бюро*, то есть дело будет рассмотрено и решено на основании общих писанных правил и с соблюдением всех необходимых процедур, или дворцовый модус, дело будет рассмотрено индивидуально, правила его разрешения будут произвольно выбраны в зависимости от пожелания автора резолюции. Включение в текст рукописной резолюции риторических фигур, использование подчеркиваний и даже расстановка знаков препинания дают адресатам резолюции возможность получить некоторую информацию об эмоциональной реакции автора резолюции на порученное им дело: гнев, недовольство, одобрение и проч. Это невозможно в модерном *бюро,* одна из целей работы которого заключается в исключении эмоциональной соотнесенности с регулируемыми *бюро* отраслями жизни.

Тип модерной рациональности, определяющий, по мысли Фуко, облик современной правительности может быть ширмой, за кото-

рой скрываются практики и тактики, унаследованные от других исторических эпох. Правительность в таком случае будет не плоским слепком современной политической экономии, практическим продолжением актуальной теоретической рефлексии о населении и безопасности, но диахронической констелляцией, работа которой одновременно протекает по законам разных рациональностей, коренящихся в разных эпохах. Предложенный Фуко в курсе «Рождение биополитики» ход, исключающий из области исследования правительности реальные управленческие практики, не дает возможности различить это свойство российской правительности, универсализирующие редукции закрывают от нас ее реальное лицо. Мы надеемся, что наше небольшое исследование можно рассматривать в качестве убедительной иллюстрации этого тезиса.

«Больше тел, чем одно»

Главным идеологом «темных антропологов», отказывающихся вслед за Фуко изучать практики правительности, можно назвать Дэвида Гребера. Его статья «Мертвые зоны воображения», опубликованная в 2012 году, стала чем-то вроде Credo для этой фракции в социальной антропологии. Гребер понимает бюрократические документы как «материальные процессы» [Graeber, 2012, p. 113] структурного насилия (в том же смысле, в каком материальными процессами насилия являются пытки), порожденные «структурами неравенства». Бюрократические документы создают «однобокие структуры воображения», упрощают реальность, отупляют индивидов. Структуры неравенства и насилия, таким образом, становятся каузальными — они создают бюрократическое письмо, а оно затем превращает нас в идиотов.

В опубликованной в 2015 году книге «Утопия правил» Гребер развил эту идею[1]. Бюрократии приписывают определенные свойства [Graeber, 2015, p. 183-185]: нейтральность, безразличие, предсказуемость, рутину, механистичность, прозрачность. Они давно превратились в собственные противоположности. Так появляется обманка «бюрократического популизма»: купившись на идею образцовой организации государства на правилах разума (утопической по своей природе), граждане становятся жертвами структур насилия и подавления.

Гребер прямо говорит, что его идеи восходят к структуралистской программе Леви-Стросса. Но он не довольствуется только структуралистскими аргументами. Бюрократические практики как «обла-

1 Рецензию см. в этом номере «Социологии власти» — *прим. ред.*

сти насильственного упрощения» Гребер противопоставляет «областям символического богатства и густоты смысла» [Graeber, 2012, p. 106], обращаясь таким образом к культовой для всех антропологов фигуре Клиффорда Гирца, чье «насыщенное описание» [Гирц, 2004, с. 15-16] стало синонимом холизма в постколониальную эпоху. Гирцево «насыщенное описание» возможно только в областях смыслового богатства, утверждает Гребер, в областях насильственного упрощения оно невозможно. Нельзя «насыщено описать» заявку на ипотечный кредит или служебную записку, даже если кто-то очень захочет это сделать. «Делопроизводство придумано, чтобы быть простым и самодостаточным… Формы сделаны из ограниченного набора очень простых элементов и в этом смысле похожи на лабиринт, сделанный из нескольких очень простых геометрических фигур. Как и лабиринт, эти формы не открывают нам ничего вне себя. Здесь почти нечего интерпретировать» [Graeber 2012, p. 109].

Зачем структуралисту Греберу, который присягает в тексте своей знаменитой статьи Леви-Строссу, аргумент, отсылающий к Гирцу? Для понимания хода мысли Гребера обратимся к тексту его мемориальной лекции памяти Малиновского 2006 года (она опубликована на сайте Лондонской школы экономики), которая была как бы наброском, первой версией «Мертвых зон воображения». В лекции практически в том же виде, что и в статье, развернут структуралистский аргумент. Не изменились и выводы Гребера. Самое существенное отличие лекции от статьи заключается в том, что никаких упоминаний Гирца и «насыщенного описания» в лекции не было. Гребер в статье 2012 года ввел фигуру Гирца как фигуру запрета: плоское невозможно изучать в «насыщенной» перспективе. Гирцев аргумент в руках Гребера по сути становится эпистемологической гарантией того, что предпринятое нами в этой статье исследование как минимум не имеет для антропологии смысла, как максимум — просто невозможно.

Проблема с этим аргументом заключается в том, что он ошибочен именно с точки зрения программы Гирца. «Насыщенность», по Гирцу, не является онтологическим свойством тех или иных практик, артефактов или действий: она является свойством этнографического описания. Гребер просто перемещает это свойство на сторону вещей в изучаемой антропологом реальности. Утверждая затем, что в реальности есть целые регионы, негодные для «насыщенного описания», и к таким регионам относится все бюрократическое царство со всем своим многообразием практик делопроизводства и вселенной листов.

Ставки в игре против изучения правительности, тесно связанной с бюрократическим царством, возможно, существующей только благодаря этому царству, таким образом, очень высоки, если в ход

идут даже такие аргументы, как аргумент Гребера. Антрополог, обладающий уникальным набором инструментов для изучения партикулярности, локальности власти и правительности, чье преимущество, по словам того же Гирца, заключается именно в том, что он «сталкивается с теми же большими проблемами действительности, с какими другие — историки, экономисты, политологи, социологи... — сталкиваются в контекстах слишком неясных..., чтобы употреблять эти слова с большой буквы» [Гирц, 2004, С. 28], лишается этих преимуществ, переходя на сторону «темной антропологии».

Наш текст — попытка вырваться из методологического и философского плена, в который заключила себя одна из самых свободных дисциплин социального знания. Порукой тому, что этот путь верен, являются не только слова Гирца, но и, например, идеи Жака Деррида о суверенитете и власти, высказанные им в ходе последнего в его жизни лекционного курса в Высшей школе социальных наук. Критикуя тезис Агамбена о тождестве суверенитета и биополитики, Деррида указывает, что этот тезис противоречив одновременно исторически и онтологически. Говоря об истории суверенитета, можно утверждать, что указанное тождество есть нечто совершенно новое, невиданное ранее, историческая сингулярность, открывающая дверь в модерн. Или можно утверждать противоположное: суверенитет всегда был биополитикой, был ей с тех самых пор, как появилось понятие суверенитета, никакого другого суверенитета никогда не было. Но Агамбен парадоксальным образом объединяет эти два тезиса, противоречащих друг другу, в один: «он [Агамбен] говорит нам две вещи: это произошло впервые, и мы раньше ничего подобного не видели, но также..., что так было всегда с сотворения мира» [Derrida, 2009, p. 330]..

Агамбен утверждает, что таким образом он всего лишь завершает проект Фуко, который «последовательно отказывался разрабатывать единую теорию власти» [Агамбен, 2011, с. 12]. Но никакого синтеза двух линий мысли Фуко в проекте Агамбена нет, именно на это, развивая критику агамбеновской тотализации биополитики, обращает внимание Деррида. Агамбен просто «топит» правительность в биополитике, используя аргументы, которыми его вооружил сам Фуко. Действительно, нет никакого смысла изучать акциденции суверенитета или суверенов, ибо единственный истинный суверен — это голая жизнь, «следящая за нами из-под идиотских масок представителей власти» [Агамбен, 2015, с. 19].

Но если мы действительно хотим «заново продумать и оценить непреходящий и противоречивый опыт того, что значит „решение“ в логике исключительности суверена» [Derrida 2009, p. 333-334], эта стратегия не работает. Мы должны, полагает Деррида, начать с того, что одного тайного движущего механизма у суверенитета и пра-

вительности нет и никогда не было: у них «есть больше оснований, чем одно, больше тел, чем одно, больше рубежей, чем один» [Ibidem].

Библиография

Агамбен Дж. (2015) *Средства без цели*, М.: Гилея.

Агамбен Дж. (2011) *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь,* М.: Европа.

Барт Р. (1989) *Избранные работы. Семиотика: Поэтика,* М.: Прогресс.

Блюш Ф. (1998) *Людовик XIV,* М.: Ладомир.

Делёз Ж. (2004) *Портрет Фуко. Переговоры*, СПб.: Наука, 2004.

Деррида Ж. (1999) *О грамматологи,* М.: Ad Marginem.

Деррида Ж. (2012) Поля философии, М.: Академический проект.

Донзло Ж., Гордон К. (2008) Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире. *Логос*, 2 (65): 3-20.

Дюркгейм Э. (1991) *О разделении общественного труда. Метод социологии,* М.: «Наука».

Реформы Петра I. Сборник документов (1937). Сост. В.И. Лебедев, М.: Гос. соц.-экон. изд-во.

Маркс К. (1969) *Критика политической экономии.* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Часть II. М.: Изд-во политической литературы.

Петров М.К. (1995) *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность,* М.: Роспэн.

Фуко М. (2003) Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). *Логос*, 4-5 (39): 4-22.

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*, СПб.: Наука.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году,* СПб.: Наука.

Boas F. (2012) The Aims of Anthropological Research. Henrietta L. Moore, Todd Sanders (eds) Anthropology *in Theory. Issues in Epistemology. 2nd Edition,* Chichester: John Wiley & Sons: 22-31.

Crozier M. (2010) *The Bureaucratic Phenomenon,* New Jersey: Transaction Publishers.

Czarniawska, B. (2012) Organization Theory Meets Anthropology: A Story of an Encounter. *Journal of Business Anthropology*, 1 (1): 118-140.

Das V. (2007) *Life and words: violence and the descent into the ordinary,* Berkeley: University of California Press.

Delouse G. (1988) *Foucault.* Sean Hand (ed.), Minneapolis: University of Minnesota Press.

Derrida J. (2009) *The Beast and the Sovereign.* Vol. 1, Chicago: University of Chicago Press.

Foucault M. (1991) Questions of method. *The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with Michel Foucault*. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds), Chicago: The University of Chicago Press.

Galtung J. (1969) Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 6: 167-191.

Goody J., Watt I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5 (3): 304-345.

Göpfert M. (2013) Bureaucratic aesthetics: report writing in the Nigerien gendarmerie. *American Ethnologist*, 40 (2): 324-334.

Graeber D. (2016) *Beyond Power/Knowledge: an exploration of the relation of power, ignorance and stupidity.* (http://www.lse.ac.uk/publicEvents/pdf/20060525-Graeber.pdf).

Graeber D. (2012) Dead zones of imagination. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, 2 (2): 105–28.

Graeber D. (2015) *The Utopia of Rules*, Brooklyn: Melville house.

Hull M. (2012) Documents and Bureaucracy. *Annual Review of Anthropology*, 41: 251–67.

Hull M. (2012) *Government of paper: the materiality of bureaucracy in urban Pakistan*, Berkley: University of California Press.

Keane W. (2003). Semiotics and the social analysis of material things. *Language & Communication*, 23: 409–425.

Keane W. (1997) *Signs of Recognition*, Berkeley: University of California Press.

Lambek M. (2010) Toward an Ethics of the Act. M. Lambek (ed.) *Ordinary Ethics. Anthropology, Language, and Action*, N.Y.: Fordham University Press: 39-63.

Michalski R.M. (2009) Creon's Secretaries: Theories of Bureaucracy and Social Order in 18th and Early 19th Century Prussia. *A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Political Science) in The University of Michigan.* (https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64753/michalsk_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

Navaro-Yashin Y. (2007) Make-believe papers, legal forms and the counterfeit. *Anthropological Theory*, 7 (1): 79-98.

Nuijten M. (2004) Between fear and fantasy. Governmentality and the working of power in Mexico. *Critique of Anthropology*, 24 (2): 209–230.

Ortner S. (2016) Dark anthropology and its others. Theory since the eighties. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, 6 (1): 47–73.

Ortner S. (1984) Theory in anthropology since the sixties. *Comparative Studies in Society and History*, 26 (1): 126-166.

Reeves M. (2013) Clean fake: authenticating documents and persons in migrant Moscow. *American Ethnologist*, 40 (3): 508–524.

Riles A. (1998) Infinity within the Brackets. *American Ethnologist*, 25 (3): 378-398.

Small A. (2001) *The Cameralists. The pioneers of German Social Polity*, Kitchener: Batoche Books.

Vismann C. (2008) *Files: law and media technology*, Stanford: Stanford University Press.

Vismann C. (2013) Cultural Techniques and Sovereignty. *Theory, Culture & Society*, 30 (6): 83–93.

Wakefield A. (2009) *The Disordered Police State. German cameralism as science and practice*, Chicago: The University of Chicago Press.

Weber M. (1978) *Economy and Society. Vol.2*, Berkeley: University of California Press.

Wilson J.Q. (1989) *Bureaucracy: what government agencies do and why*, N.Y.: Basic Books.

References

Agamben G. (2015) *Sredstva bez tseli*. [Means without goals], M.: Gyleya.

Agamben G. (2011) *Homo Sacer. Suverennaya vlast i golaya zhyzn*. [Homo Sacer: Sovereign power and bare life], M.: Europe Publishing.

Barthes R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. [Selected works: Semiotics: Poetics], M.: Progress Publishing.

Blouche F. (1998) *Ludowik XIV* [Louis XIV], M.: Ladomir.

Delouse G. (2004) *Portret Foucault. Peregovory.* [Foucault's portret. Negotiations], SPb.: Nauka Publishing.

Derrida J. (1999) *O grammatologii*. [Of grammatology], M.: Ad Marginem.

Derrida J. (2012) *Polya philosophii* [Margins of pholosophy], M.: Academic project.

Durkheim E. (1991) *O razdeleninn obschestvennogo truda. Metod sotsiologii*. [The Division of Labor is Society. The Rules of Sociological Method], M.: Science Publishing.

Reformy Petra. Sbornik Dokumentov (1937). Sost. V.I. Lebedev [Tzar Peter's reforms. Collection of documents], M.: State social and economic Publishing.

Marx K. (1969) *Kritika politicheskoy economii*. [A Contribution to the Critique of Political. Economy] Marx K., Engels F. Works. Vol. 46. Part II. M.: Political literature.

Petrov M. (1995) *Iskusstvo i nauka. Piraty Egeyskogo morya*. [Art ands science. Pirates of Aegean Sea], M.: Rospen.

Foucault M. (2003) Pravitelstvennost (idea gosudarstgvennogo interesa i eye genesis). [Governmentality: idea of national interest and its genesis], *Logos*, 4-5 (39): 4-22.

Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki*. [The Birth of Biopolitics], M.:Nauka.

Foucault M. (2010) *Bezopasnost, territory, naselenie*. [Security, territory, population], SPb.: Nauka.

Boas F. (2012) The Aims of Anthropological Research. Henrietta L. Moore, Todd Sanders (eds) *Anthropology in Theory. Issues in Epistemology*. 2nd Edition, Chichester: John Wiley & Sons: 22-31.

Crozier M. (2010) *The Bureaucratic Phenomenon*, New Jersey: Transaction Publishers.

Czarniawska B. (2012) Organization Theory Meets Anthropology: A Story of an Encounter. *Journal of Business Anthropology*, 1 (1): 118-140.

Das V. (2007) *Life and words: violence and the descent into the ordinary*, Berkeley: University of California Press.

Delouse G. (1988) *Foucault*. Sean Hand (ed.), Minneapolis: University of Minnesota Press.

Derrida J. (2009) *The Beast and the Sovereign*. Vol. 1, Chicago: University of Chicago Press.

Foucault M. (1991) *Questions of method. The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with Michel Foucault*. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds), Chicago: The University of Chicago Press.

Galtung J. (1969) Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 6: 167-191.

Goody J., Watt I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5 (3): 304-345.

Göpfert M. (2013) Bureaucratic aesthetics: report writing in the Nigerien gendarmerie. *American Ethnologist*, 40 (2): 324-334.

Graeber D. (2016) *Beyond Power/Knowledge: an exploration of the relation of power, ignorance and stupidity*. (http://www.lse.ac.uk/publicEvents/pdf/20060525-Graeber.pdf).

Graeber D. (2012) Dead zones of imagination. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, 2 (2): 105–28.

Graeber D. (2015) *The Utopia of Rules*, Brooklyn: Melville house.

Hull M. (2012) Documents and Bureaucracy. *Annual Review of Anthropology*, 41: 251–67.

Hull M. (2012) *Government of paper: the materiality of bureaucracy in urban Pakistan*, Berkley: University of California Press.

Keane W. (2003). Semiotics and the social analysis of material things. *Language & Communication*, 23: 409–425.

Keane W. (1997) *Signs of Recognition*, Berkeley: University of California Press.

Lambek M. (2010) Toward an Ethics of the Act. M. Lambek (ed.) *Ordinary Ethics. Anthropology, Language, and Action*, N.Y.: Fordham University Press: 39-63.

Michalski R.M. (2009) Creon's Secretaries: Theories of Bureaucracy and Social Order in 18th and Early 19th Century Prussia. *A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Political Science) in The University of Michigan*. (https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64753/michalsk_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

Navaro-Yashin Y. (2007) Make-believe papers, legal forms and the counterfeit. *Anthropological Theory*, 7 (1): 79-98.

Nuijten M. (2004) Between fear and fantasy. Governmentality and the working of power in Mexico. *Critique of Anthropology*, 24 (2): 209–230.

Ortner S. (2016) Dark anthropology and its others. Theory since the eighties. *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, 6 (1): 47–73.

Ortner S. (1984) Theory in anthropology since the sixties. *Comparative Studies in Society and History,* 26 (1): 126-166.

Reeves M. (2013) Clean fake: authenticating documents and persons in migrant Moscow. *American Ethnologist*, 40 (3): 508–524.

Riles A. (1998) Infinity within the Brackets. *American Ethnologist*, 25 (3): 378-398.

Small A. (2001) *The Cameralists. The pioneers of German Social Polity*, Kitchener: Batoche Books.

Vismann C. (2008) *Files: law and media technology*, Stanford: Stanford University Press.

Vismann C. (2013) Cultural Techniques and Sovereignty. *Theory, Culture & Society*, 30 (6): 83–93.

Wakefield A. (2009) *The Disordered Police State. German cameralism as science and practice*, Chicago: The University of Chicago Press.

Weber M. (1978) *Economy and Society.* Vol.2, Berkeley: University of California Press.

Wilson J.Q. (1989) *Bureaucracy: what government agencies do and why*, N.Y.: Basic Books.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Гаазе К.Б. (2016) Рукописное письмо как практика российской правительности. *Социология власти*, 28 (4): 104-131.

Gaaze K. (2016) Handwriting as Practice of Russian Governmentality. *Sociology of power*, 28 (4): 104-131.